

Константин Поповский

Дом Иова

Пьесы для чтения

16+

Константин Маркович Поповский

Дом Иова. Пьесы для чтения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43650276

SelfPub; 2019

Аннотация

"По согласному мнению и новых и древних теологов Бога нельзя принудить. Например, Его нельзя принудить услышать наши жалобы и мольбы, тем более, ответить на них... Но разве сущность населяющих Аид, Шеол или Кум теней не суть только плач, только жалоба, только похожая на порыв осеннего ветра мольба? Чем же еще заняты они, эти тени, как ни тем, чтобы принудить Бога услышать их и им ответить? Конечно, они не хуже нас знают, что Бога принудить нельзя. Но не вся ли Вечность у них в запасе?" Константин Поповский "Фрагменты и мелодии".

Содержание

Дом Иова	4
Картина первая	5
Картина вторая	31
Картина третья	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Дом Иова

Пьеса в 9 картинах

Действующие лица:

Иов

Жена Иова

Ищущий

Адаф

Уза

Элифаз

Бильдад

Цофар

Архистратиг Михаил

Ангел – секретарь

Истина

Ангел смерти

Аввадон

Первый сосед

Второй сосед

Картина первая

Музыка.

В глубине темной сцены начинают медленно проступать очертания покоев Иицуцего. По мере того, как тьма отступает, слабо вспыхивает золото книжных корешков, начинают светиться зеркала. Мягко мерцает медь доспехов, но дальше все тонет во мраке, подступившем к окружающей жилое пространство колоннаде.

Сам Иицуций в халате, из-под которого выбиваются белоснежные манжеты и ворот рубахи, сидит в высоком кресле, возле стола, лицом к зрителю. На вид ему не больше сорока. Лицо задумчиво, почти торжественно. Перед ним – раскрытая книга, которую он читает, подперев рукой голову. Стоящий на столе многосвечник разгорается все ярче, но его света явно недостаточно, чтобы побороть царящий вокруг сумрак, прогнать притаившиеся по углам тени.

Углубившись в чтение, Иицуций не замечает, как за его спиной возникает чья-то фигура. Это Уза, его слуга. Бесшумно ступая, он медленно подходит и останавливается за спиной хозяина.

Уза (предварительно предупредив о себе легким стуком по спинке кресла, негромко зовет): Хозяин... Время.

Ищущий молчит, погруженный в чтение.

Хозяин...

Не отрываясь от книги, Ищущий жестом останавливает Узу.

(Настойчиво). Время, хозяин. Вы сами мне велели.

ИЩУЩИЙ *(издали):* Знаю... Знаю. Иди.

Помедлив, Уза вновь стучит по спинке кресла

(Возвращаясь к реальности, недовольно). Да, знаю же, знаю... Подкрался, словно вор... А ну-ка, иди сюда.

Обойдя кресло, Уза останавливается справа от Ищущего.

Да, подойди же ближе, бестолочь!

Уза делает вид, что подходит ближе.

А теперь склони свой слух и послушай, что я тебе сейчас прочту. *(Листает книгу и почти сразу находит нужное место).* Вот. *(Сердито).* Да, слушай внимательно. *(Читает).*

«В природе вещей нет ничего случайного, но всё определено к существованию и действию по известному образцу из необходимости божественной природы...» (*Негромко*). Запомнил?... Из необходимости божественной природы, бестолочь... (*Отложив книгу, мечтательно*). Есть какая-то непостижимая тонкость и глубина в этих словах. Знаешь, иногда мне кажется, что это я сам написал их много лет назад. (*Живо*). Представь, я даже вижу ту комнату и стол, за которым моя рука выводила эти бессмертные строки. Была зима, и город за окном назывался Амстердам... Как это странно звучит – Амстердам... Амстердам. Амстердам... Похоже на крик журавлей в пору, когда им приходится улетать на север... Пылал камин, и окна были украшены белым узором... Знаешь, что такое «камин»?

Уза: Нет, хозяин.

Ищущий: И, слава Богу. Лучше запомни эти слова, а на досуге подумай, какая заключена в них сила. Такая, что ещё не написанные, они уже существуют, обретя бессмертие задолго до рождения их автора!.. Задолго до его рожденья!.. (*Негромко*). Впрочем, не удивлюсь, если и сам он окажется всего только их порождением. (*С удовольствием*). «В природе вещей нет ничего случайного...» Ты слышал?... Ничего... (*Захлопнув книгу, желчно*). Остается только гадать, отчего наша действительность так нелепа и так не похожа на идеал!.. (*Узе, почти страдальчески*). Ну, что тебе?

Уза: Путь в Канцелярию не близок, хозяин.

Ищущий: Спасибо, что ты не забываешь мне об этом напомнить... Не близок и утомителен. (*После небольшой паузы, решительно*). Нет. Не поеду. Не по-е-ду! Остаюсь. Даже не уговаривай.

Уза не трогается с места. Ищущий задумчиво барабанит пальцами по столу. Пауза.

(*Наконец, с досадой, не поворачивая головы*). Ты еще тут?

Уза: Если хозяин все-таки решил остаться...

Ищущий: То, что?

Уза (*нерешительно*): Тогда я должен задать ему один вопрос. (*Оправдываясь*). Вы сами изволили мне это приказать, хозяин.

Ищущий (*безнадежно*): Спрашивай, разбойник.

Уза мнетя.

(*Теряя терпение*). Да спрашивай же, спрашивай!

Уза: Уж не оттого ли хозяин не желает ехать в Канцелярию, что он опасается козней небесного воинства? (*Торопливо и громко*). В том смысле, конечно, что как же прикажите его не опасаться, если воинство это в последнее время что-то уж больно сильно расплодилось и отбилося от рук!

Ищущий: Что такое? (*Медленно повернувшись к Узе вместе с креслом, холодно*). Ты в своём уме, слуга?

Уза подавлен.

И кого же это ты прикажешь мне бояться?.. Уж не Архистратига ли, который давно забыл, с какой стороны держат меч? Или, может, его разжиревших от безделья ангелов? Весь этот сброд блюдолизов, занятых составлением никому не нужных циркуляров и отчетов? (*Грозя Узе пальцем*).
Смотри у меня!

Уза: Я только исполнил ваше поручение, повелитель.

Ищущий: Ах, какие мы исполнительные. Скажите, пожалуйста... (*Грозно*). Это всё?

Уза: С вашего позволения, у меня есть еще один небольшой вопросик... Вы мне сами велели, повелитель

Ищущий: Все! Все! Все! Довольно!.. Тебе только дай волю... (*Помолчав, негромко, с тоской*). Ладно. Нечего делать. Уговорил. Еду. (*Кричит*). Нечего! Нечего!.. Еду. Что? Доволен?

Уза (робко): Но вы же сами собирались ехать, повелитель.

Ищущий (почти изумлен): Я?.. (*Театрально смеется*). Я?..

Уза подавлен.

(*Поднимаясь с кресла*). Или ты действительно думаешь, что я стал бы ходить к этим небесным дармоедам, если бы

не крошечная надежда, что в один прекрасный день этот впавший в летаргический сон Вегетарианец услышит мой голос?.. (*Укоризненно*). Ах, Уза, Уза...

Короткая пауза. Ищущий медленно делает несколько шагов по сцене.

(С горечью, негромко). Когда-то в этот день, все сыны Божии приходили к подножью Его трона, чтобы поделиться своими сомнениями и выслушать слова утешения и поддержки, получить совет и наставление? (Обернувшись к Узе, сердито). Но ты прекрасно знаешь, что это было когда-то. Так давно, что уже можно считать, что этого никогда не было! (В раздражении сняв халат, швыряет его Узе и остается в рубаше и длинных панталонах).

Уза (*освободившись от накрывшего его халата, осторожно*): Не возьму на себя смелость спорить, хозяин... Тем более что все говорят, что вы самый выдающийся реформатор после... (*Показывает пальцем вверх*). Ну, вы меня понимаете... (*Понизив голос, почти шепотом*). Но меня не может не беспокоить, что станут думать о реформах, которые позволяют называть Творца Вегетарианцем?

Ищущий (*отмахиваясь*): Это всего только метафора, болван. Метафора! «Вегетарианец» в смысле «Милосердный», «Не Жаждающий Крови»... И все такое прочее.

Уза (*меланхолически*): А «впавший в летаргический сон»,

стало быть, следует понимать, как «отдыхающий от дел»?

Ищущий (*сухо*): Ты просто схватываешь на лету, мерзавец. И все же будет гораздо лучше, если ты немедленно вернешься к своим прямым обязанностям.

Уза: Как будет угодно вашей милости. (*Кричит куда-то вглубь покоев*). Костюм повелителя!

Свет гаснет и тут же ярко вспыхивает, увеличив пространство сцены, но так и не сумев разогнать царящий за колоннадой мрак. В центре стоит Ищущий. Теперь он одет в элегантный светлый костюм. Пестрый галстук и цветок в петлице придают ему некоторую легкомысленность. В руке – изящная трость. Похоже, его настроение заметно улучшилось.

Ищущий (*не без удовольствия оглядывая себя, задумчиво*): Кажется, портной на этот раз не обманул. Костюм хоть куда.

Уза: Превосходно сидит.

Ищущий (*остановившись возле зеркала и продолжая внимательно рассматривать себя*): Хоть куда. (*По-прежнему задумчиво*). Тебе никогда не приходило в голову, что наша одежда это тоже, своего рода, метафора? Как и метафоре, ей свойственно уводить нас прочь от скучной действительности, и делать нас понятными, как для себя, так и для других. В особенности, конечно, для других. (*Поворачивается*

спиной к зеркалу, пытаясь увидеть, как сидит костюм сзади). Ах, нет, совсем неплохо... (Обернувшись к Узе). Если нагота – это всего лишь наше естественное состояние, в котором мы все равны, то одежда это нечто почти сверхъестественное. Она возвращает нас из неизвестности и каждого делает тем, кем он хотел бы стать по своему собственному разумению. (Спыхватываясь). Ты записываешь?

Уза поспешно достает тетрадь и начинает записывать.

Похоже, в этой мысли что-то есть. (Продолжая говорить, вновь поворачивается к зеркалу). Нагота – непристойна, согласен. Но, вдобавок к этому, она ещё и непонятна, ещё и бессловесна. Ах, как она молчит! Как молчит! Только глупцы могут думать, что она может нам что-то поведать или чему-то научить. Но стоит тебе влезть в костюм или накинуть плащ – и готово! Всё встало на свои места. Теперь ты знаешь о себе кто ты, и в твоей власти делать с этим «кто» всё, что тебе заблагорассудится. Можешь расстегнуть верхние пуговицы и поднять воротник – и вот уже из зеркала на тебя смотрит искатель приключений и веселый малый. А можешь изменить цвет галстука, и твое лицо сразу станет серьёзным, а взгляд значительным. (Вновь повернувшись спиной к зеркалу). Ты обретаешь язык, даже не успев открыть рот. Подумай, разве метафора не делает того же, заставляя разговаривать вещи и делая их понятными?

Небольшая пауза.

Уза (не дождавшись продолжения): Всё, хозяин?

Ищущий (повернувшись, но продолжая искоса рассматривать себя в зеркале): Пока да.

Пряча тетрадь, Уза неожиданно и громко хихикает. Короткая пауза.

(Холодно). Ну? И что тебя рассмешило на этот раз?

Уза: Да, ведь как же это, хозяин... Выходит, Создателю следовало бы сотворить вовсе не нас, а только нашу одежду? (Хихикает). Да ещё наделить её душой, чтобы она уже совсем бы ничем от нас не отличалась... (Хихикает).

Ищущий выразительно смотрит на Узу. Пауза.

(Смешавшись). Что?

Небольшая пауза. Ищущий продолжает смотреть на Узу.

(Подавлен). Я ведь, кажется, ничего такого не сказал, хозяин.

Ищущий (со вздохом): В последнее время, мне почему-то

часто кажется, что ты специально испытываешь моё терпение, Уза. Надеюсь, ты не думаешь, что оно безгранично?

Уза (*жалобно*): Повелитель!..

Ищущий: Или ты уже забыл о том, что меня сегодня ждёт подножье Его трона, которое остряки прозвали Небесной Канцелярией, хотя всем прекрасно известно, что это всего только место, где собрались интриганы и прохвосты, пользующиеся добротой Крепкого и ожидающие от Него очередной подачи!.. Может, хочешь прогуляться туда вместо меня? (*Смолкнув, отходит и обиженно рассматривает себя в зеркале*).

Пауза. Уза переживает.

(*С неожиданной грустью, не оборачиваясь*). Скажи-ка мне, болтун, что ты думаешь о предчувствиях? Веришь в них?

Уза (*застигнут врасплох*): А уж это как будет угодно вашей милости.

Ищущий (*нетерпеливо*): Так веришь или нет?

Уза: Да кто же в них верит-то нынче, хозяин?

Ищущий (*повернувшись к Узе, с интересом*): Что, и в плохие?

Уза: И в плохие, и в хорошие.

Ищущий (*удивлен*): А когда они сбываются?

Уза: Особенно тогда, хозяин.

Ищущий (с сожалением глядя на Узу): Скажите, пожалуйста... Наверное, и сон у тебя, как у безгрешного младенца... (Отойдя от зеркала, идет и останавливается возле Узы, не совсем уверенно). Ну, что? В путь?

Уза: В путь, хозяин. Уж вы поберегите себя там.

Ищущий: Как раз об этом, мне кажется, ты можешь не беспокоиться. (Кричит). В путь!

Свист и вой вихря, подхватившего Ищущего. Свет гаснет и сразу вспыхивает вновь. Ищущий исчез. Оставшись один, Уза медленно идёт по сцене, не спеша ставит на место кресло, затем аккуратно вешает на спинку дивана халат и, наконец, останавливается перед зеркалом.

Уза (передразнивая Ищущего, кривляется, делая вид, что примеряет платье): Уж будьте спокойны, господин Уза! Стоит вам надеть эти белоснежные подштанники, как ваши мысли сразу станут чистыми, а сердце – целомудренным! (Хихикает). А в этой рясе тебя не узнает даже сам Творец. Скажет: откуда взялся здесь этот симпатичный святой? Почему это я никогда не видел его прежде? (Кривляется). Эх, Уза, Уза! Как же ты сразу не догадался, что власть в этом мире принадлежит портным и парикмахерам! (Кривляется).

На пороге вновь неслышно появляется Ищущий. Некоторое время он наблюдает за Узой, затем незаметно подкрав-

ишь, быстро цепляет его за шею своей тросточкой.

(Вскрикнув от неожиданности и пытаясь обернуться).
О, Господи!.. Повелитель!

Ищущий *(мягко)*: Ну, разумеется, это я, негодяй. *(Подтягивая Узу к себе)*. Так вот, значит, как ты проводишь без меня время, мерзавец?.. Сначала ловко уговариваешь меня отправиться невесть куда, а затем, оставшись один, кривляешься и паясничаете перед зеркалом, изображая своего горячо любимого хозяина... А теперь скажи-ка мне, висельник, есть ли на свете наказание, которое было бы для тебя чрезмерным?

Уза *(потеряв надежду освободиться, хрипло)*: Повелитель...

Ищущий: Что, не нравится?.. Ах ты, мерзавец, мерзавец... *(Отпускает Узу)*. Ну, так и быть. Прощаю тебя по случаю моего благополучного возвращения. *(Идет по сцене, расстегивая пиджак)*.

Короткая пауза.

Уза *(потирая шею)*: Хозяин решил остаться?

Ищущий *(швырнув пиджак на пол)*: Не я, Уза, не я. Все-му виной те жалкие обстоятельства, которые, увы, часто оказываются сильнее нас. *(Расстегивая жилетку)*. Знаешь, эти-кие ничтожные случайности, которых никогда не принима-

ешь в расчет до тех пор, пока они в одночасье не спутают тебе все карты... Представь, стоило мне только начать свое путешествие, как я вспомнил, что позабыл дома перчатки. *(С комическим ужасом)*. Какой ужас! Какая непоправимая оплошность!.. *(Скинув жилетку, бросает ее в сторону)*. Ну, подумай сам, мог ли я позволить себе явиться в приличное общество без перчаток?.. Понятно, что мне оставалось только вернуться, что я и сделал, скорбя и вытирая слезы. *(Сбросив с ног ботинки, растягивает брюки и садится на диван)*.

Уза бросается к Ищущему и помогает ему снять брюки.

(Томно). К тому же, я вдруг почувствовал, что мне совсем не помешает немного вздремнуть... *(Зевает)*. Предаться грезам, окунуться в мир фантазий, чтобы хоть на время забыть об этой неприглядной действительности... *(Поднявшись с дивана и взяв со спинки кресла висящий халат, сердито)*. Ну, что ты смотришь на меня так, как будто я украл у тебя из кухни твой серебряный кофейник?.. *(Надевая халат, сердито)*. Конечно, я испугался... Не сильно, но вполне достаточно для того, чтобы вернуться. Испугался, что Он опять не примет меня и мне снова придется унижаться и делать вид, что все это в порядке вещей, расписываться в Книге посетителей, хлопать этим жалким льстецам или выслушивать пресные нравоучения господина Архистратига, который до сих пор думает, что без его защиты небесам, пожа-

луй, пришлось бы худо. (*Садясь на диван*). А кто бы не испугался на моем месте? Может быть – ты? (*Щелкает пальцами, от чего свет тускнеет и гаснет; сумрак заливает пространство сцены; зевая*). Тогда, сделай милость, отправляйся в следующий раз вместо меня. (*Ложится, закутавшись в халат*). Желаю тебе удачи, дурачок... Потому что сам я сыт всем этим по горло. (*Зевает, глухо*). Ах, как я же сыт... как же я сыт... (*Издалека*). С меня довольно... Хватит... Лучше я напишу Ему письмо... Письмо... (*Бормочет*). Ты только представь себе... Большое, обстоятельное письмо...

Уза бесшумно исчезает.

(*Чуть слышно*). Письмо с уведомлением о вручении... Глубокоуважаемый господин демиург... (*Засыпает*).

Долгая пауза, в продолжение которой в свои права вступает сновидение, наполнив пространство сцены слабым красным сиянием, в свете которого возникают фигуры Архистратига Михаила и Ангела-секретаря.

(*Негромко, еще не вступив в сновидение*). Проклятый сон... Все тот же сон... (*Стонет, затем внезапно садится на диване и молча смотрит на Архистратига Михаила*).

Пауза.

(*Мрачно*). Ты.

Михаил: Как видишь.

Ищущий молчит. Короткая пауза.

(*Удивленно*). Что такое? Ты не рад моему дружескому визиту? (*Посмеиваясь*). А я-то торопился, летел...

Ищущий (*еще издалека*): Я понял. Понял... Ты мне снишься.

Михаил: Если и снюсь то, наверное, ничуть не больше, чем ты мне.

Ангел-секретарь негромко хихикает.

Ищущий (*вяло, все еще сопротивляясь*): Нет, нет, ты – сон. Сон. К тому же, не из приятных... (*Приходя в себя, сердито*). Зачем пожаловал?

Михаил: Сейчас объясню.

Ищущий (*сердито*): Постой!.. Я догадаюсь сам... Минутку.

Михаил: Готов поспорить, промахнешься.

Ищущий: Посмотрим. (*Поднявшись с дивана и кутаясь в халат, медленно подходит к Михаилу*).

Короткая пауза.

(Негромко, словно сам с собой). Ну, так и есть. Конечно. И что бы мне не догадаться сразу... *(Михаилу).* Ты здесь затем, чтоб сообщить мне, что Крепкий, наконец, желает меня видеть!.. *(Смеется, потирая руки).* Что, съел? *(На мгновенье смолкает, с торжеством глядя на Михаила, затем, ликуя, идет по сцене).*

Короткая пауза, в продолжение которой Михаил молча делает знак Ангелу-секретарю и тот немедленно подвигает к нему кресло, в которое Михаил не спеша садится. Ангел-секретарь становится у него за спиной.

О, я как чувствовал, что Он скоро вспомнит обо мне, потому что только от одного меня Он может услышать не лесть, а правду!... *(Обернувшись к Михаилу, надменно).* Слышишь, архистратиг? Это так же верно, как и то, что меня зовут Ищущим.

Михаил: У тебя новое имя?

Ищущий: И неплохое, начальник воинств... Только умоляю тебя, не спрашивай меня о том, что я ищу. Надеюсь, тебе не надо напоминать, что искать всегда следует только одно? Вернее, одну. Ту, чьё имя так сладко, что когда его произносишь, кажется, что вкушаешь райское яблоко.

Короткая пауза.

(Удивлѐн). Как? Неужели ты не вспомнил? (*Кивая в сторону Ангела-секретаря*). Тогда, может быть, этот не в меру смешливый юноша?... Как? Тоже нет? Ай-яй-яй. (*Снисходительно*). Искать следует Истину, голубчик. Разве есть у нас другая цель?... Тебе следовало бы это знать, начальник караулов.

Михаил (*невозмутимо*): Кажется, я уже слышал от тебя нечто подобное лет четыреста назад.

Ищущий: Так чего ж ты тогда медлишь?... Архистратиг?... Беги! Спеши! Зови своих пернатых! Пусть выстроят почетный караул и отворят ворота! Пускай трубят во все концы Вселенной, что я еду!.. Я еду! Еду! (*Неожиданно осекишись, смолкнув, смотрит на Михаила, негромко*). Еду...

Короткая пауза.

(*С тоской*). Ну? Что ты ждешь?

Михаил: Увы.

Ищущий: Увы?

Михаил: Увы.

Ищущий (*сникая*): Что? Нет?

Михаил: Увы. Увы. Увы. Всевышний не соизволит принять тебя сегодня.

Ищущий (*подавлен*): Не соизволит? Опять? (*С горечью*). Что, даже здесь, во сне?

Михаил: Во всяком случае, не сегодня.

Ищущий: Так может, завтра?.. Завтра? (*Почти жалобно*). Ну, что же ты молчишь, архистратиг?

Михаил: Завтра?.. Что ж, очень может быть, что завтра... Но, во всяком случае, не прежде, чем я доведу до тебя Его волю.

Ищущий (*сердито*): Так доводи!.. Доводи. Только прошу тебя. Не пичкай меня больше пустыми обещаниями, как это было в прошлый раз! Не советуй мне набраться терпения и взять в спутники надежду, чтобы было легче дожидаться этого «завтра». (*Угрюмо*). Почему-то мне в последнее время кажется, что это «завтра» никогда не наступит. Что его вообще не существует. Потому что, рассудив здраво, в Царстве Вечности просто не может быть никакого «завтра», а только это самодовольное «сегодня», которое не имеет ни начала, ни конца...

Михаил хранит молчание. Короткая пауза.

(*Прервав себя, холодно*). Я тебя слушаю, начальник воинств.

Михаил: Тебе велели передать, что готовы принять тебя и выслушать все твои нелепые претензии и безумные проекты. (*Повышая голос и не давая Ищущему перебить себя*). Да, да, да! Но не прежде, чем будут выполнены некоторые важные условия.

Ищущий (*мягко*): Тебе так вот и велели передать: «нелепые» и «безумные»?

Михаил: А разве кто-нибудь в этом еще сомневается?

Ангел-секретарь негромко хихикает.

Ищущий (*бросив на Ангела красноречивый взгляд*): Очень и очень многие, архистратиг. Поэтому сделай одолжение, пересказывая чужие слова, будь точен, и не уклоняйся от оригинала.

Михаил (*пропустив замечание Ищущего мимо ушей*): Я повторяю. Тебя, примут, но только при одном условии... Вспомни-ка, знаком тебе человек по имени Иов?

Ищущий (*уклончиво*): Я знавал немало людей, архистратиг.

Михаил: Я, кажется, спросил тебя об одном.

Ищущий: Только не заговаривай мне зубы, начальник циркуляров. (*Раздражённо*). Если речь идёт об Иове из земли Уц, то, возможно, я действительно кое-что слышал и о нём, и о его хваленой праведности. Но к моему делу это отношения не имеет.

Михаил: У меня сложилось впечатление, что Всемогущий придерживается другого мнения.

Ищущий сбит с толку. Впрочем, он сразу же берёт себя в руки, склонившись в притворно-смирённом поклоне.

(Выдержав паузу). Он примет и выслушает тебя. Но не прежде, чем ты сумеешь одержать победу над Иовом из земли Уц. Тем самым, о котором ты слышал, и которого называют праведником.

Короткая пауза. Ищущий с недоумением смотрит на Михаила.

Ищущий *(тревожно)*: Как это прикажешь понимать, архистратиг? О какой победе ты говоришь?

Михаил: Возможно, я выразился недостаточно ясно, хотя многие на твоём месте прекрасно бы поняли, о чем идет речь... Что ж, я повторю еще. Условия самые простые. Служи праведность Иова, и Всемогущий немедленно примет тебя. *(Негромко и слегка насмешливо)*. Другими словами, покажи нам, на что ты способен. Загони его в угол. Пошли ему болезни, голод, отчаянье. Заставь проклинать час своего рождения. Словом, сделай так, чтобы Крепкий отвернулся от него и вычеркнул его имя из Книги жизни. Сдается мне, в этом нет ничего трудного.

Ищущий медленно уходит, обдумывая услышанное. Пауза.

(Вслед Ищущему). Но только имей в виду – Всемилостив-

вый Сам будет судьёй в вашем споре.

Ищущий (*рассмеявшись*): Нет, в самом деле, архистратиг... Клянусь Вesperом, это просто ни на что не похоже... (*Возвращаясь*). Или я что-то не так понял?

Михаил: Не знаю, почему некоторые хвалят остроту твоего ума. Что же тут можно понять не так?.. Ты нападёшь на него со всей яростью, словно тигр на беззащитную лань, и будешь терзать его столько, сколько посчитаешь нужным. До тех пор, пока не уступит один из вас, – или ты, потеряв надежду сломить его праведность, или он, опутив от усталости руки и уступая отчаянью... Уж, кажется, куда как проще.

Ищущий: погоди!.. Что это?.. Постой, постой, постой... (*Измлен*). Налететь на праведника? Обглодать его, словно саранча весенние побеги? Трепать его до тех пор, пока он не заголосит? Порвать на нём платье, иссушить его гортань?.. Я правильно тебя понял, архистратиг? Что это за нелепая игра, в которую мне предлагают сыграть? Да есть ли в этом хотя бы капля смысла? (*Криво усмехаясь*). Или Всемогуций решил стравить нас, как двух бойцовых петухов? (*Смеется*). Ты случайно не знаешь на кого Он поставил?..

Михаил (*сдержанно*): Такова Его воля.

Ищущий (*вполголоса*): Все так говорят. (*Отходит и сразу возвращается*). Он богат?

Михаил: Милость Божия не перестаёт проливаться над его домом.

Ищущий: Ах, вот оно что... Жена, дети?

Михаил: Счастлив и плодovit.

Ищущий: И при этом, конечно, богобоязнен, чист и, как у вас принято говорить, далёк от зла!

Михаил: Сверх всякой меры.

Ищущий: Ну, ещё бы! Не трудно быть праведником, когда Создатель благословил и тебя, и твой дом!.. Никак не могу взять в толк, архистратиг. Зачем подвергать испытаниям того, кто заведомо их не выдержит?.. Или речь всё-таки идёт о том, чтобы только немного припугнуть его?

Михаил: Ты все ещё не понял? Всё, что принадлежит ему – всё это в твоей руке. Его стада, его слуги, его дети. Всё, чем он богат. И сам он, – плоть, и кость его – они тоже в твоей власти. Лишь дыхание его сохрани. Других условий нет.

Ищущий *(не скрывая удивления)*: И это всё?.. Все? *(Смеется)*. Да, что ты, начальник! Или ты не знаешь, что и дня не выстоять человеку перед лицом несчастий? Нетвёрд становится он и в делах, и в помыслах своих, как только Все-вышний отворачивается от него, и удача покидает его дом. Неужели ты в первый раз слышишь об этом? Стоит беде коснуться его краем крыла, как трещит по швам его смирение, а чистота навсегда скрывается под слоем грязи. Где его праведность? Где богобоязненность? Где простота? Лиши его богатства – и вот он уже хуже дикого зверя. Разлучи с родными – и проклятия не сойдут с его языка. Да, что ты, архистратиг!..

Михаил *(без выражения)*: Такова Его воля.

Ищущий: Да, слышал, слышал!.. (*Почти дружески*). Знаешь. Не стоило бы Крепкому затевать эту историю с человеком. Не трудным будет для меня это дело... (*В задумчивости опускается на диван*).

Михаил (*поднимаясь с кресла*): Ты сам Ему об этом скажешь, если Он тебя примет.

Ищущий молчит.

Итак?

Ищущий: Передай, что я берусь. (*Сердито*). Берусь, берусь!.. Хотя, положи руку на сердце, не нахожу в этом ни капли смысла.

Михаил: Тогда возьми вот это. (*Не оборачиваясь, протягивает руку Ангелу-секретарю, который вкладывает в нее небольшую книгу, положив ее на стол*). Это будет напоминать тебе о нашем договоре. (*Повернувшись, готовый уже исчезнуть*). Прощай.

Ищущий: Прощай, архистратиг. Боюсь, не успеет новая луна вырасти до половины, как я вынужден буду вновь засвидетельствовать тебе своё почтение. (*Быстро, вдогонку уходящим*). Эй, постой, постой!

Михаил останавливается и оборачивается к Ищущему.

(*Серьёзно*). Скажи-ка, мне вот что, начальник. Что ты зна-

еешь о городе, который носит имя Амстердам? Знаешь о таком?

Михаил, чуть улыбаясь, молча смотрит на Ищущего. Короткая пауза.

(Удивлен). Как? Совсем ничего?

Михаил: А что, по-твоему, можно знать о том, чего не существует?

Ангел-секретарь хихикает.

Ищущий: Так ты полагаешь, что он не существует? (*Откинувшись на подушку, негромко*). Ах, архистратиг, архистратиг... А вот у меня, представь, совсем другие сведения... (*Слабо*). Совсем другие сведения, начальник воинств... (*Бормочет*). Там идет снег и на каналах трескается лед... Лед... Снег... Огонь... (*Смолкает*).

Сновиденье кончается. Михаил и Ангел-секретарь исчезают. Гаснет красное мерцание.

(*Стонет, просыпаясь*). Проклятый сон... Проклятый сон...

С горящим фонарем появляется Уза.

Уза: Звали, хозяин?

Ищущий (*не отрывая голову от подушки, глухо*): Ты слышал?.. Видел? (*Сердито*). Да, отвечай же!

Уза: Что, хозяин?

Ищущий: Здесь был кто-нибудь?

Уза (*озираясь*): Никого, хозяин.

Ищущий: Тогда скажи... Вон там, на столе... Что там?

Вытянув шею, Уза смотрит на стол.

Да, подойди же, подойди!

Уза осторожно подходит.

Что там?

Уза: Какая-то книга, хозяин.

Ищущий: Дай мне ее.

Взяв со стола книгу, Уза подходит к дивану.

Нет, посмотри сначала сам.

Поставив фонарь на стол, Уза открывает книгу.

Читай. (*Нетерпеливо*). Да, читай же!

Уза: Тут написано: «Подлинная история праведного Иова». *(Смолкает)*.

Ищущий: Ну, дальше, дальше!

Уза: Это все.

Ищущий: Все?

Уза *(тревожно)*: Все, повелитель.

Ищущий: Ну-ка, дай сюда!

Подойдя, Уза протягивает Ищущему книгу.

(Почти вырвав из рук Узы книгу, быстро читает). «Подлинная история праведного Иова». *(Листает книгу)*. А что же дальше?.. Ничего! Чистые страницы! А? *(Узе)*. Ты видел? Видел? *(Листает)*. Чистые страницы! *(Трясет книгу, язвительно)*. Какая глубокая многозначительность! Одни только чистые страницы и ничего больше!.. А сколько их! Нет, ты только посмотри!.. А? *(Захлопнув книгу, глухо)*. Но мы их заполним, верно?

Уза: Как будет угодно хозяину.

Ищущий: Клянусь преисподней! Мы их заполним и очень, очень скоро! Можешь даже не сомневаться. *(Швыряет книгу прочь)*.

Тьма заволакивает сцену.

Картина вторая

Внешняя сторона глинобитной стены, окружающей дом Иова. Когда-то в центре её находились ворота, но теперь на их месте зияет широкий проём, за которым открывается часть внутреннего двора и угол дома.

На небольшом плоском камне, лицом к зрителю, сидит Иов. Взгляд его отрешённо скользит по невидимой для зрителя пустыне. Лицо спокойно.

Вечер. Последние лучи заходящего солнца ещё освещают стену и неподвижную фигуру Иова, но небо на востоке, за его спиной, уже быстро темнеет.

В проёме показываются две фигуры; это соседи Иова – Первый и Второй. В руках у Второго – небольшой мешок.

В продолжение следующей сцены розовые тени быстро гаснут, уступая место светлой лунной ночи...

Первый сосед (*неслышно подходя к сидящему Иову*):
Мир тебе, Иов.

Второй сосед (*подходя*): Принимай гостей, сосед.

Иов (*оглядываясь*): Ах, друзья мои!..

Второй сосед (*опуская мешок на землю*): Здесь рис и немного масла. Не откажи принять, сосед.

Первый сосед: Как говорится, чем богаты.

Иов (*протягивая гостям руки*): Как незаметно вы подкрались, чтобы сразить меня своим вниманием и тронуть моё сердце вашей заботой! Наверное, только вы ещё и помните старого Иова.

Соседи одновременно пожимают руки Иова.

Первый сосед: Зачем ты так говоришь, сосед. Тебя помнят все. И Ония, и Ареф, и Фарра, и кривой Нассон...

Второй сосед: И Гуся.

Первый сосед: Да, и Гуся тоже. Ты же не думаешь, конечно, что память о добром человеке исчезает, словно капля дождя в песке?.. Нет, Иов, тебя помнят все, и старые и молодые.

Второй сосед: И тебя, и твой справедливый суд.

Первый сосед: И особенно, твои мудрые наставления, сосед.

Иов (*неуверенно*): Мои... наставления?

Второй сосед: Можешь быть уверен, сосед, и мы, и наши дети храним их, чтобы передать тем, кто придёт после нас.

Иов (*тревожно*): Постойте, постойте, друзья мои... Что же это такое стало с моей памятью?.. Неужели было время, когда я кого-то наставлял или учил? Невероятно... (*Посмеиваясь*). Наверное, это был какой-то совсем другой Иов. Не я.

Первый сосед: Да, разве ты только наставлял?.. Э, Иов! Вспомни-ка, как ты всегда был и опорой для бедняка, и за-

ступником для слабого, ну, а для всех нас – примером для подражания.

Второй сосед: Да еще каким, Иов!

Иов: Вы заставляете меня краснеть, друзья мои... (*Помедлив, негромко*). Ах, если б можно было впрок заготовить эти добрые дела, – как богат, наверное, был бы я сегодня! (*Глухо*). Если бы можно было наполнить этими делами мешки и сундуки, чтобы откупиться ими от беды в час, когда она приходит! (*С неожиданной горечью*). О-о! Не сидел бы я сегодня здесь, принимая ваши подношения!..

Первый сосед (*постно*): Что же теперь поделаешь, сосед. Ты ведь сам учил нас, что на всё воля Божия.

Второй сосед: На всё Его воля, Иов.

Иов (*отрешённо*): На всё воля Его. (*В пустоту, негромко*). Жертва Богу – дух сокрушённый. Сердце сокрушённое Он не отвергнет...

Первый сосед: Вот это правильно, Иов. В самую точку.

Второй сосед: Тут уж не поспоришь.

Иов: Посидите же со мной, друзья мои. Отдохните от жары и дневных забот. Смотрите, как здесь хорошо в это время. (*Глядя в пустыню*). Пока ещё не упали сумерки, взгляните, как далеко проникает туда взгляд, как легко перебегает он от холма к холму, чтобы, наконец, унести вон к той горной гряде, за которой, говорят, небо сходится с землёй и ангелы спускаются к людям, чтобы исполнить то, что им поручено на небесах... (*Глухо*). Порой мне кажется, что вот, протру-

бят рога, запылит горизонт и оттуда придёт спасение мне и моему дому. (*Тихо*). Глупые фантазии...

Второй сосед (*усаживаясь на песок возле камня, на котором сидит Иов*): Там ничего такого нет, сосед. Пустыня, да еще эта заброшенная дорога. Отец рассказывал мне, что на каждом шагу там натыкаешься на человеческие кости. Страшное место.

Первый сосед: Страшное место, сосед. (*Садится с другой стороны камня*).

Иов: Конечно же, вы правы, друзья мои. (*Негромко, продолжая смотреть в пустыню*). Но отчего-то всякий раз стоит луне подняться над этими холмами и прогнать прочь тени, как мне чудится, что какой-то голос зовёт меня пуститься в путь, от холма к холму, ни о чём не заботясь и ничего не спрашивая, не думая ни о ночлеге, ни оводе, но зато обещая впереди покой и утешение... Какой-то тихий голос...

Первый сосед: Будь с этими голосами поосторожнее, Иов. Сам знаешь, демоны – мастера на разные фокусы. Они только и ждут, чтобы кого-нибудь одурачить, да заманить к себе в логово.

Второй сосед: Говорят, в расщелине у Большого Камня три дня назад видели одного такого. Он был черен и видом походил на кошку.

Первый сосед: А я скажу вам, что есть только одно верное средство от демонов. (*Понизив голос*). Волосы умершего, вымоченные в час новой луны в крови новорождённого яг-

нёнка. Но сделать это не просто, потому что ягнёнок обязательно должен быть рыжий и с голубыми глазами.

Второй сосед (*подозрительно*): Где это ты видел ягнёнка с голубыми глазами?

Первый сосед: Так в этом-то и вся штука!

Иов (*посмеиваясь*): Ах, друзья мои! Ну, мне ли опасаться демонов? Разве осталось у меня ещё что-нибудь, что они могли бы отнять? Может быть, это дыхание? Или эту покрытую коростой плоть, которой я не дорожу?... Пусть боится их тот, у кого есть, что терять.

Второй сосед: Не говори так, сосед. Страшно представить, что бывает с человеком, который попал к ним в лапы.

В проёме у стены появляется Адаф, слуга Иова. Он неуклюже ступает, подражая походке петуха, то есть высоко поднимает ноги и, время от времени, бьёт себя руками по бёдрам. Короткая пауза.

Адаф (*негромко*): Кукареку, хозяин.

Иов (*тоже негромко*): Кукареку, Адаф.

Адаф: С кем это ты тут?

Иов: С нашими соседями, Адаф... Ты ведь помнишь их?

Адаф: Нет. (*Медленно обходит сидящих, искоса поглядывая на соседей*).

Короткая пауза.

(По-прежнему обращаясь к Иову). Не знаешь, не встречали ли они где-нибудь моих цыплят, хозяин?

Иов: Нет, Адаф.

Адаф: А курочек?

Иов: И курочек.

Адаф: Спроси, может они о них что-нибудь слышали?

Соседи отрицательно качают головами.

Иов: Обещаю тебе, что если они что-нибудь услышат, то обязательно придут и расскажут тебе.

Соседи согласно кивают.

Адаф: Надеюсь, мне не придётся долго ждать. (*Сделав еще несколько шагов, настойчиво*). А может, всё-таки, что-нибудь слышали?

Иов: Нет, Адаф. Ничего.

Адаф (*идёт по сцене*): Ладно, тогда пойду-ка я потороплю солнышко... Какое-то оно сегодня непослушное, просто беда. Не желает ложиться спать, хоть надорви себе всё горло. (*Исчезает в проёме, и сразу же из-за стены раздаётся его громкий крик: «Кукареку!» Затихая, он повторяется несколько раз и, наконец, стихает*).

Второй сосед: Похоже, этот бедняга уже совсем свихнул-

ся, Иов.

Первый сосед: Не боишься жить с ним под одной крышей, Иов?

Иов: Наверное, не больше, чем с самим собой.

Второй сосед (*весело*): Смотри, как бы он, чего доброго, не принял тебя однажды за рисовое зернышко.

Иов: Скорее уж он примет меня за какого-нибудь из своих цыплят... С тех пор, как его дети погибли вместе с моими детьми, и он вообразил себя петухом, не проходит и дня, чтобы он не вспоминал о них.

Первый сосед: Большое несчастье потерять разум.

Иов: Наверное, ты хотел сказать «счастье», сосед? Ведь разум не стал бы скрывать от него, что его дети давно мертвы. А вот лишившись его, он верит, что рано или поздно они найдутся, стоит ему только хорошенько поискать. Недаром говорится, что разум и надежда – плохие друзья.

Первый сосед: Вот я и говорю: большое несчастье лишиться разума, сосед. Без него мы только тешим себя пустыми фантазиями и бродим в потемках. Ты сам учил нас, что полагаться следует только на то, что достоверно и не вызывает сомнений.

Иов (*удивлён*): Неужели, я так учил? (*С интересом*). Ну-ка, ну-ка...

Первый сосед: Да, Иов. Однажды ты прямо так и сказал: «Творец сотворил мир столь простым и ясным, что тот, кто предпочитает блуждать в своих фантазиях...кто предпочи-

тает блуждать в своих фантазиях...» (*Вспоминая, второму*). Ну, как это?

Второй сосед: «...тот только оскорбляет величие Всемо-
гущего...».

Первый сосед: Вот-вот. «Тот, кто предпочитает блуж-
дать в своих фантазиях, только оскорбляет величие Всемо-
гущего»... Не помню, правда, по какому поводу ты это ска-
зал, да ведь это, я думаю, и не важно.

Второй сосед (*сдержанно аплодируя*): Bravo!

Иов: Это мои слова?

Первый сосед: К тому же прекрасные, Иов.

Второй сосед: Тают на языке, словно новый мёд.

Иов: Сказать по правде, они кажутся мне сегодня горше
полыни. (*После небольшой паузы, глухо*). Ай, да Иов. Ай, да
молодец. (*Бормочет*). Как же далеко может забраться чело-
век от самого себя! Так далеко, что, повстречав, уже не узна-
ёт себя и спрашивает: кто это? неужели я? Кто же тогда из
нас настоящий? И что будет, если попробовать забраться еще
дальше? (*Смолкает*).

Соседи переглядываются. Пауза. Иов молчит.

Первый сосед (*осторожно*): Вроде, ты что-то хотел ска-
зать, сосед?

Иов (*возвращаясь*): Нет, нет, друзья мои. Ничего... Ни-
чего...

Первый сосед: Тогда мы, пожалуй, будем собираться. *(Поднимаясь с земли)*. Время-то, гляди, к ночи... Прощай, сосед.

Второй сосед *(поднимаясь вслед за первым)*: Прощай, сосед. Не забывай нас в своих молитвах.

Иов: Прощайте и вы, друзья мои. *(Протягивает соседям руки)*. И пусть милость Всевышнего не оставит вас ни сегодня, ни завтра.

Оба соседа одновременно пожимают руки Иова.

Первый сосед: Приятных тебе снов. *(Уходит)*.

Второй сосед: И такого же приятного пробуждения. *(Уходит)*.

Солнечные лучи уже погасли и теперь сцену окутывают сумерки. В глубине её легли чёрные тени, но центральную часть сцены, набирая силу, начинает заливать лунный свет.

Оставшись один, Иов некоторое время сидит неподвижно. Но вот что-то привлекает его внимание. Он к чему-то прислушивается, что-то его беспокоит; это заметно и по напряжённому взгляду, направленному в небо, и по выражению лица. Тихая, едва слышная, мелодия звучит над головой Иова, над его домом, над засыпающей пустыней.

Иов (*бормочет озираясь*): Опять эта мелодия... Стоит показаться первым звездам, как она уже тут как тут. Словно караван аравийский верблюдов, груженных корицей и серебром, идёт, звеня колокольчиками, к моему дому... Словно источник мирры забил вдруг посреди двора и наполнил ароматом все уголки моего дома. (*Перебивая себя, поспешно*). Нет, нет, Иов. Скорее, она подобна спущенной с небес хрустальной лестнице, которая манит тебя желанием поскорее подняться по её ступеням. (*Возвращаясь к действительности, горько*). Зачем же Ты тревожишь меня ненужной надеждой, Всемогуший? Зачем смущаешь моё сердце? Убаюкиваешь пустыми мечтами? Разве мертвеца обрадуют новые сандалии? К чему манить надеждой того, кто не сегодня-завтра вновь станет прахом?..

По стене медленно скользит чья-то тень. Мелодия обрывается.

(*Громко*). Кто здесь?

Из темноты в лунный свет медленно вступает закутанная в длинный плащ фигура. Это – Ангел смерти. Лицо закрыто капюшоном. В руках – закинутый на плечо меч. Остановившись у стены, он спускает меч и тяжело опирается на него. Лунный свет вспыхивает на лезвии. Короткая пауза.

(*Негромко*). А-а, это ты. Старый знакомый... Опять пришёл пугать меня? Так начинай, я готов. (*Чуть насмешливо*). Я ведь давно догадался, что ты только пугаешь, хотя до сих пор не понимаю, зачем... Сказать по правде, догадаться-то было совсем не трудно. Разве станет Ангел Смерти раз за разом приходить к человеку и уходить ни с чем?.. Верно? Довольно было бы, наверное, и одного раза.

Ангел смерти молчит. Небольшая пауза.

(*Не дождавшись ответа*). Что, опять вздумал поиграть со мной в молчанку? Что ж, молчи. А лучше бы ты присел, да отдохнул. Наверное, набегался за день?.. А хочешь, пойдём в дом, и ты мне расскажешь, как идут дела в мире. Ты ведь много чего повидал и немало интересного мог бы рассказать. Вот, говорят, Мицраим опять готовится к войне, и колесницы его уже поднимают пыль на границе. (*Вздыхая*). Хотя, если подумать, что мне за дело до Мицраима, вестник печали? И Мицраим будет когда-нибудь повергнут в прах, как повержен сегодня я. А ты встанешь у его изголовья...

Ангел смерти чуть заметно кивает.

А помнишь, как я поначалу боялся тебя? Как страшился даже смотреть в твою сторону? (*Неслышно смеётся*). И что

же? Стоило мне выплакать все слёзы, как вместе с ними ушёл и страх. А всё оттого, что когда мы плачем слёзы искажают увиденное. Вот почему теперь ты для меня не страшнее сторожевой собаки, которую хозяин кормит из рук. (*С внезапной тоской, резко повернувшись к Ангелу Смерти*). Одного только я не пойму, вестник. Отчего ты не хочешь убить меня, проводник в Страну Вечного Покоя? Зачем длишь муку мою? Почему не перережешь эту тонкую нить?.. Уже не в первый раз я прошу тебя об этой милости, но ты даже не хочешь ответить мне. Словно я предлагаю тебе миску прокисшего сыра, а не свою жизнь! (*Тоскуя, негромко*). Давно бы тебе следовало заметить меня, – ещё тогда, когда я был во чреве матери моей, или когда младенцем ползал среди овечьих шкур и кормилица моя называла меня «сладенький мой»! Вот когда бы я избежал всех бед, и зло не коснулось бы меня. (*Мечтательно*). О-о! Лежать бы мне тогда на каменном ложе среди царей и вельмож, и был бы я тогда не беднее их, воздвигающих себе великолепные гробницы и высекающие свои имена на камне! Верно говорят, что там стихает ярость яростных и успокаивается гнев гневающихся! Великий там равен ничтожному, а ничтожный столь же велик, что и величайший, и никто не держит обиду на другого... Отчего же ты не пускаешь меня туда, вестник покоя? Скажи, на что жизнь тому, чья душа спутана, словно поводья упряжки, и нет никого, кто умел бы распутать её? Смерти жаждет он, и рад был бы добыть её, как добывают воду из-под камней, да только

натёр мозоли и поцарапал руки, потому что поставлена ему преграда...

Пауза. Иов молчит, склонившись к земле. Молчит и Ангел смерти.

(Медленно подняв голову. Спокойно). Я слышал, что если ты придёшь к человеку и сохранишь ему жизнь, то, уходя, оставляешь ему ещё одну пару глаз. Говорят, что тогда он становится необыкновенно зорек и с легкостью видит то, что скрыто от других смертных. Это правда?

Ангел смерти чуть заметно кивает. Короткая пауза.

(Усмехнувшись). Да, нет же, нет. Если бы это было правдой, мне уже давно следовало бы ходить обвешанному глазами, а взгляд мой легко проникал бы и к подножью Божьего трона, да и в земные глубины, где прячутся сапфиры и золотоносная руда. *(Посмеиваясь).* Ах, каким славным рудокопом стал бы я тогда! Сама земля не знала бы, как уберечь от меня свои сокровища! Да и небеса тревожились бы, опасаясь как бы, чего доброго, я не подсмотрел их тайн!.. Ничего не укрылось бы от меня тогда, – ни путь звёзд, ни ложь, скрытая в сердце злого. *(Глухо).* Причину бед и ужасов, сокрушивших меня, узнал бы я тогда! *(Сникая).* Жаль только, что всё это пустое, вестник. Не дальше вижу я сегодня, чем видел

прежде. И понимаю ничуть не больше, чем понимал. Только одно и открылось мне: всё, чего я опасался – настигло меня, и чего я боялся – пришло и встало за моей спиной. (*Чуть помедлив, тихо*). Так отчего же ты не хочешь протянуть свою руку и коснуться меня? Разве трудное это для тебя дело?

Ангел смерти безмолвен, как и прежде. Иов медленно поднимается с камня. Короткая пауза.

Или ты хочешь сказать, что не можешь?.. Не можешь?

Кажется, Ангел смерти едва заметно кивает.

(*Догадываясь*). Значит, тебе запретили?.. Да?

Ещё один кивок.

Но кто же мог запретить тебе? (*Смеется*). Тебе!

Ангел смерти поднимает меч и опускает его себе на плечо. Медленно поворачивается, собираясь уйти.

Постой. Не уходи. Хочешь, я угадаю сам?

Ангел смерти на мгновение останавливается. Короткая пауза.

(Поднимая руку к небу). Это Он?.. Да? Он? (Приближаясь к Ангелу Смерти). Я ведь угадал? Это Он?

Ангел смерти, не отвечая, исчезает в темноте. Иов застывает в центре сцены. Короткая пауза.

(Едва слышимым шепотом). Так это Он... (Смолкает, словно ему перехватило дыхание).

Короткая пауза.

(Приходя в себя). Сколько раз эта мысль приходила ко мне, и столько же раз я гнал её прочь, потому что она казалась мне верхом нечестия. Разве не каждый день я говорил себе, что не может Творец преследовать своё творение, потому что нет в этом ни мудрости, ни геройства. (Изумлён). Но кто же кроме Него? Кто, если не Он? Шевельнётся ли хоть один волос без Его воли? Упадёт ли без Его согласия роса? (Потрясённо, почти шёпотом). Кто же это еще, если не Он? (Смолкнув, замирает; в его позе, одновременно, и ужас, и решимость).

Пауза, в конце которой за стеной раздается голос Жены Иова: «Господин!.. Господин!..».

Жена (*появившись в проёме стены*): Я услышала твой голос, господин. (*Подходя, тревожно*). Ты с кем-то разговаривал?

Иов (*глухо*): С кем же еще, по-твоему, мне разговаривать здесь, как ни с этим болтливым стариком по имени Иов? (*Медленно опускаясь на камень*). Впрочем, не стану тебя обманывать. У меня был гость. Но он уже далеко.

Жена: В такой час, господин?

Иов: А разве ты обращаешь внимание на время, когда молишься или стираешь? Или когда варишь свои вечно несоленые бобы? (*Смолкает, глядя в пустыню*).

Короткая пауза.

Жена (*помедлив, осторожно*): Уже поздно, господин. (*Подходя ближе*). Ночь дышит с холмов. Не хочешь вернуться в дом?

Не отвечая, Иов смотрит в сторону пустыни. Короткая пауза.

Ты ведь знаешь, как я не люблю, это место. Оно меня пугает. Кажется, здесь сама луна смеётся над нами. (*Подняв голову*). Только посмотри, как она противно скалит зубы... (*Понизив голос и зябко поведя плечами*). Я слышала, что когда она становится невидимой, то спускается на землю, чтобы

нападать на одиноких путников и воровать детей.

Иов: Пустое.

Жена: Нет, нет, господин. Это правда.

Иов (*не поворачивая голову, протягивает жене руку*):
Сядь.

Жена (*подходя, задевает оставленный соседями мешок*):
Что это?

Иов: Соседи принесли нам немного риса.

Жена: Вот видишь. Они не забывают тебя. (*Заглянув в мешок, садится рядом с Иовом*). Пусть будут благословенны их имена. Пусть Всемогуший не оставит их в час испытаний!

Иов (*по-прежнему не отрывая взгляда от пустыни, издалека*): Пусть будут они благословенны.

Некоторое время они сидят молча.

(*Без выражения, негромко*). Посмотри-ка, как легли в ложбинах и расщелинах эти тени. Словно воины, подкрававшиеся к неприятельскому лагерю и готовые к нападению... (*Смолкает*).

Жена: Я ничего не вижу, господин.

Иов: А ты посмотри, посмотри... Конечно, я знаю, что это всего только лунные отблески, которые вспыхивают в изломах камней и ничего больше. Но отчего же они так похожи на отсветы, пробегающие по лезвию боевых топоров и мерцающие на копьях в час заката?... Кажется, вот-вот протру-

бят рога, и сотни стрел поднимутся в небо, наполнив воздух шелестом и свистом. Вспыхнут факелы, и отряд за отрядом двинется по склонам, пугая противника звоном и криками. Мне даже кажется, что если присмотреться, то можно увидеть, как на вершинах холмов пляшут в лунном сиянии духи, почуявшие близость крови. (*С холодной усмешкой*). Богатый пир ожидает их нынче ночью!

Жена (*прижимаясь к Иову*): Я вижу там только одну пустыню, господин. Конечно, она пугает меня, хоть я сама не знаю, чем. Кажется, если пойти в ту сторону, то так и будешь идти и идти, пока не забудешь, где твой дом и как твоё имя. А что может быть хуже, чем человек без имени? (*Понизив голос*). Знаешь, говорят, что там, среди камней встречаются демоны, которые крадут у путников их имена, и тогда те становятся беспомощны, как малые дети, и демоны делают с ними всё, что захотят.

Иов (*глухо*): Можешь мне поверить, – на свете встречаются вору и похуже.

Жена: Похуже, господин?

Иов: Вору, которые крадут у человека его самого.

Жена (*заглядывая в лицо Иова, помедлив, негромко*): Ты что-то скрываешь от меня. Да?

Иов (*усмехаясь*): Что же я могу скрывать от тебя, госпожа? Может быть, мою седину или мои морщины? Или эту латаную одежду, над которой смеются соседские дети? (*Обнимает жену, которая кладёт ему голову на плечо*). Разве

не на двоих поделены все наши богатства? Ты знаешь их наперечёт, не хуже меня.

Жена: Твой голос, господин. Мне кажется, я слышу в нём тревогу... Что это за гость приходил к тебе сегодня?

Иов (*не сразу*): Пожалуй, я не ошибусь, если скажу, что он заслуживает, чтобы его называли вестником. Во всяком случае, мне кажется, что он принёс мне, наконец, добрые вести.

Жена: Благодаренье Всевышнему, что Он не забывает тебя.

Иов (*ворчливо*): А почему, собственно, Он должен забыть меня, женщина?.. Или это не я всегда исполнял все, что бы Он ни требовал? Или жертвы мои были худы и не от всего сердца? А может быть, я согрешил перед Ним каким-нибудь делом, словом или помышлением? (*С горечью*). Так отчего бы Ему не помнить об Иове, которого еще недавно все соседи называли весами правды и мерилom справедливости? (*Смолкает, отвернувшись*).

Жена (*прижимаясь щекой к его плечу*): Ах, Иов... (*Негромко*). Когда ты сердисься, то становишься похож на песчаного кота, в пору, когда ему пришло время искать себе подругу. (*Помедлив, осторожно*). О каких вестях ты говорил, господин?

Иов: О таких, о которых услышишь, пожалуй, не каждый день... (*Поднявшись с камня, медленно делает несколько шагов по сцене, не отрывая взгляда от пустыни*).

Короткая пауза.

(Остановившись, лицом к пустыне). Представь себе: тайный гонитель мой вдруг открыл лицо своё. Уже не прячется он, нанося мне из мрака увечья, но нападает открыто, при свете, говоря: вот он я! Будто спрашивает: хватит ли у тебя мужества, Иов, ответить мне тем же? Не трусишь ли, видя гнев мой и слыша стук моей колесницы?.. *(Почти с вызовом).* Что, разве это не хорошие вести?

Жена *(тихо)*: О ком ты говоришь, господин?

Короткая пауза.

Иов *(возвращаясь к камню и останавливаясь возле сидящей жены, почти насмешливо)*: А разве ты сама не знаешь о Ком?

Жена медленно поднимается с камня, глядя на Иова. Короткая пауза.

(Негромко и спокойно). Или другое имя ты повторяла, когда хоронила своих детей? И не о Нём ли думала, выпрашивая у соседей горсть ячменной муки?.. Или ты не знаешь, кому ещё было под силу свалить Иова, чтобы он упал с высоты своей и разбился, словно глиняный горшок?.. *(Горько).* На тысячу осколков разлетелся я, и где тот мастер, который

возьмётся склеить меня?

Короткая пауза.

Жена (*пытаясь взять Иова за руку, тихо*): Пойдём до мой, господин.

Иов (*вырывая руку и отходя в сторону*): Вспомни, разве было, чтобы я утомлял Его слух жалобами или досаждал Ему воплями? Надоедал просьбами? Голосил и клянчил? Только об одном я просил. О самой малости. И что же? (*Показывает туда, где недавно стоял Ангел Смерти*). Вон, взгляни, – сам Ангел Смерти стоит у порога моего, не в силах протянуть ко мне руку, потому что Крепкий запретил ему касаться меня! Видно, по сердцу пришлись ему мучения Иова, так что Он решил длить их вечно!

Жена (*оглянувшись, испуганно*): Здесь никого нет, господин.

Какое-то время Иов смотрит на жену, затем, махнув рукой, вновь садиться на камень. Подойдя к сидящему, Жена становится позади него и кладет ему руки на плечи. Пауза.

(*Устало*). Знаешь, на кого я похож сегодня?.. На воина, которому пришло время отправляться в поход. Или на купца, который собирается в дальний путь и не уверен, что вернётся назад. Как и они, я надеюсь отдалить минуту рас-

ставания, а когда оказывается, что она уже близка, всё ещё медлю, прячась в твоих объятиях. (*Без выражения, негромко*). Страшно доверить свою жизнь утлому суденышку, но ещё страшнее выступить навстречу неизвестности. Пойти, не оглядываясь, неведомо куда, позабыв все привычные доводы и наставления... (*Помедлив*). И всё же, что бы там ни говорили, на человеческом языке это всегда будет называться «трусостью». (*Пытаясь повернуть к жене голову, сердито*). Вот и скажи мне, если знаешь, сколько же ещё идти мне на поводу у трусости моей и быть на побегушках у страха моего? Или я, по-твоему, до конца дней моих обречен быть у них в услужении?

Жена (*глядя голову и лицо Иова*): Ах, Иов... Иов.

Короткая пауза.

Иов (*поймав руки жены и не давая ей гладить себя*): Завтра же позову Гонителя моего на суд мой... Пусть придёт, направляющий ветер и ставящий преграду морю. Пусть ответит, чем прогневал его Иов? Чем не угодил? В чём провинился? Вот тогда и узнаем, кто пьёт правду, а кто разбавляет вино ложью!

Жена (*выскользнув из-за спины и встав рядом с Иовом, поспешно*): Пойдём домой, господин мой... Ну, пойдем же, пойдем... Посмотри – уже и Луна поднялась над горами, и звезды давно уже торопят ночь. (*Пытаясь поднять Иова с*

камня, тихо). Ты ведь сам знаешь, – не случилось никогда такого, чтобы Крепкий ходил на суд к человеку. Разве было когда по-другому?

Иов (*упираясь*): Ну, еще бы!.. Вот и страх мой твердит мне о том же. Все уши прожужжал. (*Упираясь*). Опомнись, Иов! Разве Он человек, чтобы с тобой судиться? Ни отец, ни дед твой, ни дед деда не слыхали ни о чём подобном... (*Упираясь, медленно поднимается на ноги, но потеряв равновесие, валится на землю*).

Жена, с коротким криком, падает рядом с ним.

(*Кричит с земли*). Да только вот, что я тебе скажу на это!.. Легче лёгкого повторять вслед за всеми: не случилось такого, чтобы Крепкий приходил на зов человека и стучал в его двери!.. А такое чтобы на невинного набрасывали ловчую сеть? Чтобы у чистого отнимали жизнь – разве такое случилось?

Жена (*саясь на землю, негромко*): Ах, Иов... А разве нет?

Иов молчит, распростертый на земле.

Разве не на каждом шагу, господин мой?

Иов (*медленно саясь, негромко*): А хоть бы и так...

*Короткая пауза. Иов **стряхивает** с одежды налипший пе-*

сок.

(Негромко). Хоть бы и на каждом шагу, госпожа моя... Потому что всякий раз, когда это случается, разве не случается это словно впервые? Так, будто земля расступилась у тебя под ногами? Будто обрушился небосвод, и звезды посыпались на землю, как угли с жаровни? Словно из ноздрей твоих вынули дыхание?... Вот уж когда смолкает человеческая мудрость, словно она проглотила язык, да и память уже ничего не может подсказать тебе. Один на всей земле остаётся тогда человек, и нет никого, кто бы мог дать ему совет и научить, что делать. *(С вызовом).* А теперь скажи мне, если знаешь, – кто же теперь осмелится загородить язык его?... Может Он?

Пауза.

Жена *(издалека)*: Иов...

Иов молчит.

(Негромко, тоскуя). Страшное дело ты затеял, господин мой... Не оставит Крепкий обиду без ответа. Везде настигнет гнев его.

Иов *(медленно поднимаясь на ноги)*: Верно... Не прощает Всемилостивый обид. Везде отыщет. И под землей, и на небесах...

Короткая пауза.

(*Негромко, в пустоту*). И все-таки не всюду достанет гнев Его. И огонь Его опалит не всюду. Потому что есть на земле место, где невинный может укрыться, и где чистый не знает страха... Где сердце обретает покой и твёрдость соседствует с правдой. Где даже Крепкому не достать праведного, потому что далеко он от Него!..

Жена (*пронзительно*): Иов! (*Опустившись на землю, обнимает ноги Иова*).

Иов (*опускаясь на камень*): Слабый получает там силы, а жаждущий утоляет жажду, потому что нет там ни «вчера», ни «завтра» и ложь молчит там, прикусив язык и сжав зубы... Посмотри-ка, как легко Он разрушил дом мой и засыпал песком мой очаг!.. (*Твердо*). Вот только в одном Он просчитался, потому что я построил другой дом, а уж его-то Ему не одолеть!.. На страданиях моих я возвёл его, и отчаяньем моим укрепил. Боль моя – фундамент его. Из стонов моих сложены стены его, и вопли мои – стропила его. Горит огонь в его очаге – огонь гнева моего, не угасят его даже воды потопа. Двери его – мои ночные страхи, а вздохи – окна его. Беды мои покрыли его вместо крыши. Огорожен он ужасом моим и ночные кошмары мои охраняют его. Слезы мои оштукатурили его, и бессонница моя побелила его стены и снаружи, и внутри. Кому под силу разрушить его? Ворваться в него,

защищённого со всех сторон?.. Ах, как же он защищён, дом мой, как прочен! Горы сотрутся в пыль, а он так и будет стоять, насмехаясь над временем!.. Скажи-ка: видели ли когда дом богаче этого? Крепче, этого? Уж не создал ли я его подобно тому, как Всемогуший сотворил мир?

Жена: Господин...

Иов (*негромко*): А теперь скажи мне: если дом построен, не приходит ли время новоселья?.. Не накрывают ли во дворе столы, не приносят ли благодарственную жертву? Не трубят ли в рога, созывая соседей?..

Жена (*тихо*): Да, господин мой...

Иов: Тогда приготовь мне завтра чистую одежду, чтобы я смог встретить своё новоселье... Только одного гостя позову я... Господи, скажу я, Господи! (*С горечью*). Посмотри! Это ведь и Твой праздник! Расскажи же, как помогал строить Иову его дом! Как вёл меня от одной беды к другой, как будил меня ночными кошмарами и теснил ужасами!.. Видишь, вот он готов – дом мой, моё убежище, моя крепость, где «сегодня» не знает ни «вчера», ни «завтра»... Видел ли Ты дом лучше этого? Прочнее этого?.. Э, Господи... (*Махнув рукой, в изнеможении опускает голову*).

Жена (*обнимая его ноги*): Хоть бы обо мне ты вспомнил, господин мой! И без того немного осталось нам дней, чтобы покоить друг друга. Быстро пролетят они.

Иов (*наклонившись и взяв жену за плечи*): Иди сюда. Иди сюда. Иди сюда... (*Пытается поднять ее, но, не сумев это-*

го, без сил опускается рядом).

Долгая пауза. Какое-то время Иов и его Жена сидят молча, почти обнявшись; голова Жены покоится на плече Иова.

Жена (*негромко*): Пойдём домой, господин мой... Я уложу тебя, и согрею тебя, и сон успокоит тебя. Я буду охранять твой покой и поправлять твои подушки, и отгонять плохие сновидения от твоего изголовья... Конечно, это совсем немного, но ведь в целом свете никто не сумеет сделать это лучше меня... (*Помогая Иову подняться*). Пойдём, пойдём, господин мой...

Иов поднимается с земли.

(*Уводя Иова*). Пойдем. Пойдем...

Иов дает увести себя, и они медленно уходят под звуки всё той же тихой мелодии, которую вдруг вновь донёс из пустыни ветер.

Сцена тонет во мраке.

Картина третья

Она начинается сразу, как только заканчивается предыдущее действие. Мелодия, которая сопровождала уход Иова, еще какое-то время звучит над опустевшей сценой, но вот она внезапно обрывается. Левую часть сцены озаряет голубое сияние и, словно в облачении его, из мрака выступает фигура Ищущего. Он ликует.

Ищущий (громким и торжествующим шепотом): Ты слышал? Слышал?.. Он попался!.. Попался!.. Слышишь? Попался!

За его спиной возникает фигура Узы. Ищущий подбегает к провалу в стене и, заглянув во двор, какое-то время прислушивается, надеясь услышать, что происходит в доме. Короткая пауза.

(Возвращаясь к Узе, ликуя). Целый год, день за днем, месяц за месяцем, я гнул его к земле, нанося удар за ударом, но каждый раз он вновь выпрямлялся, словно молодой побег виноградника. И вот сегодня он, наконец, угодил в ловушку, которую я не ставил, и запутался в сетях, которые я не раскидывал! *(Тревожно).* Или меня подвёл слух? *(Узе).* Ты

слышал, как он позвал Всемогущего на суд?.. Да отвечай же! Словно приятеля, который в пьяной драке нанёс ущерб его бороде и одежде!.. Я не ослышался?

Уза: Кажется, он собирался сделать это завтра.

Ищущий (*снисходительно*): Можешь не сомневаться. Кто собрался судиться с Крепким, тот уже осудил Его в своём сердце, пусть даже ни одного слово осуждения еще не слетело с его поганого языка... Ты ведь не забыл, что человек — это всего лишь его жалкое сердце. (*Отходит, ликуя*). Ай, да Иов!.. Ай, да праведник!..

Уза: Похоже, его дела плохи.

Ищущий: Хуже не бывает. (*Глумливо*). Или ты думаешь, что если праведник противится наказанию и бежит от невзгод, словно трусливый заяц, то Небеса погладят его по головке?.. Как бы не так, Уза, как бы не так... Да кто он такой, чтобы требовать у Творца отчёта? Прах. Грязь. Ничто. И за меньший грех наказывает Всемогущий... Ах, как он надоел мне своим упрямством и своей жалкой гордостью!.. Быстрее молнии помчусь я нынче же к престолу Крепкого... Помнишь, сколько я ждал этого часа?

Небольшая пауза, в продолжение которой Ищущий, ликуя, проходит по сцене и, наконец, вновь останавливается возле Узы.

(*Дружески*). Ну?.. А что бы ты попросил у Творца, если бы

Он вдруг захотел тебя наградить? (*Смеется*). Надеюсь, это было бы ни какое-нибудь нескромное желание, от которого покраснело бы даже подножье Его трона? (*Смеется*).

Уза смущён. Короткая пауза.

Ну?.. Что же ты молчишь?

Уза: Боюсь, вам это не понравится, повелитель.

Ищущий: Скажите, пожалуйста!.. Не понравится... А ты сделай так, чтобы понравилось! Соври. Выдумай что-нибудь... (*Сердито*). Ну, какое же ты все-таки несообразительное животное... (*Капризно*). Говори немедленно, я хочу знать!

Уза (*тихо*): Наверное, я попросил бы Его о покое, повелитель.

Ищущий: О покое? (*Несколько озадачен*). Я не ослышался? Ты сказал – о покое?.. Да, ты просто сошел с ума, негодай. (*Внимательно смотрит на Узу*).

Короткая пауза. Уза подавлен.

Что, разве сам я пекусь о чём-нибудь другом?

Уза молчит.

Ну, отвечай же, отвечай! Разве я пекусь не о покое?

Уза молчит.

(*Сердито*). Ну, что ты опять молчишь, словно проглотил свой ядовитый язык?.. Или ты думаешь, что я ищу трудности ради них самих? Разве не мечтаю я сам о часе, когда покой придёт, наконец, в мир, как заслуженная и желанная награда? Разве не тороплю я его всеми возможными способами? Не ношусь сломя голову из одного конца Вселенной в другой, в надежде, что мой голос рано или поздно будет услышан?.. (*С горечью*). Ах, Уза, Уза...

Уза (*едва слышно*): Простите, повелитель.

Ищущий (*передразнивая*): Простите, повелитель... (*Помолчав, с горечью*). Ты огорчил меня, Уза. И огорчил сильно, очень, очень сильно.

Уза подавлен.

А хочешь, я скажу тебе, почему?

На лице Узы страдания. Ищущий медленно идет по сцене. Его лицо задумчиво и, пожалуй, даже значительно.

Да, потому что тот покой, о котором ты мечтаешь, похож, скорее, на снег, который выпадает иногда в месяце Тевет на холмах Иерусалима, забавляя зевак и радуя чернь. Выглянет

солнце, и его как не бывало. Ты даже не успеваешь сжать его в руке, как он уже течёт сквозь пальцы. Что в нём проку? Не убережет он ни от тревог, ни от печалей. А вот, что я тебе скажу о том покое, который ищу я, Уза. Он похож на снега, лежащие на Хермоне – никакое солнце не страшно им, вечно лежат они, и вечно будут лежать в безмолвии, пока существует по милости Творца этот мир. (*Снисходительно*). Ты ведь знаешь, как зовётся этот покой? Он зовётся Истиной. Только в ней одной он сладок и заслужен. Вот его-то я и ищу. Не думая о себе, не заботясь о том, что скажут обо мне другие, – неужели же ради собственного удовольствия тороплю я время и стучу в закрытые двери? Не ради ли этого покоя, принимаю я унижения и смиряюсь с лишениями? (*С неожиданным беспокойством*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.